

Мы с отцом сидим в артистической уборной знаменитой актрисы Евдокии Дмитриевны Турчаниновой. Эта сцена происходила в помещении филиала Малого, в уютном театрике, который располагается в самом конце Большой Ордынки. Мы пришли, чтобы выразить восхищение ее игрой... Старуха польщена и приветливо нам улыбается.

Чтобы слегка ее поразвлечь, Ардов решает рассказать ей один из самых последних анекдотов тогдашнего, хрущевского времени. Он говорит:

- Вы слышали, что сейчас всюду идет слияние - сливаются главки, тресты, министерства...

- Да, - отвечает актриса, - это я читала...

- И вот говорят: чтобы не отстать от моды, в министерстве культуры решили слить МХАТ и Малый, чтобы был один Московский Академический Мало-Художественный театр...

- Как?! Неужели есть такое решение?! - испуганно говорит Турчанинова. - Но это ужасно! Это невозможно!

Она переполошилась не на шутку. - Нет, нет, что вы! Это анекдот такой, всего-навсего анекдот, - пытается успокоить ее Ардов.

Но старуха еще долго волнуется и возмущается, никакого юмора она в толк взять не может.

Вообще же к театру у нас, на Ордынке, было несколько неоднозначное отношение. Ну, прежде всего потому, что наша мать была актрисой и режиссером, и оба моих брата обучались в школе-студии при МХАТе.

Сам Ардов в юности был весьма увлечен сценой, был участником каких-то тогдашних студий, а литературную карьеру начинал как театральный рецензент. Но в конце жизни он почти никогда не ходил на спектакли, это ему было скучно. Он уже любил все не театр, а самих актеров - за инфантилизм, готовность к розыгрышам и шуткам. Ардов по этой причине всегда охотно посещал "капустники", юбилеи, вечера в Доме актера...

Помнится, отец внушал мне мысль, что актер - вообще профессия не мужская, а женская. А если умный и мужественный человек наделен сценическим талантом, то это - сущее несчастье. И самый красноречивый тому пример, который он всегда приводил, - великий артист Леонид Миронович Леонидов.

У Ахматовой отношение к театру было вполне прохладным. Приведу

Видит Бог, я не хотел писать эту книгу. Друзья много лет уговаривали меня сделать это, а я отнекивался, отказывался, убеждая их, что в моем теперешнем положении, "в сущем сале", это и неловко, и, главное, неизбежно несет в себе некий соблазн.

И все же я решил взяться за перо. Побудительной к тому причиной стали не столько уговоры приятелей, сколько многочисленные публикации, в которых мемуаристы искажают факты, а порой даже клеветуют на дорогах моему сердцу людей. Например, существует попытка изобразить Анну Андреевну Ахматову, близкого друга нашей семьи, эдакой полубезумной старухой, которая на склоне лет окружала себя "мальчишками"...

Итак - "легендарная Ордынка". Выражение это вошло в наш семейный обиход с легкой руки Анны Андреевны, впервые его употребил какой-то ее гость, иностранец, который описывал свой визит в дом моих родителей.

Мне был год, когда меня привезли на ту квартиру, и я прожил там до тридцати лет, так что словосочетание "легендарная Ордынка" для меня помимо всего прочего означает - детство, отрочество и юность...

Осколки из воспоминаний тех лет я предлагаю читателям...

Протоиерей Михаил АРДОВ.

ЛЕГЕНДАРНАЯ ОРДЫНКА

здесь небольшой отрывок из воспоминаний Ардова об Анне Андреевне: "Театр она не любила.

Например, никогда не была в Художественном. Но у нас дома был альбом, посвященный очередному юбилею МХАТа. Ахматова полистала его, посмотрела фотоиллюстрации и сказала свой приговор, так сказать, заочно:

- Ну, так... Теперь я вам скажу: все, что относится к современности, они умеют делать хорошо, а исторические пьесы у них не удаются. Особенно плох у них должен быть Шекспир."

На столе бутылки и тарелки с закуской.

Сегодня к нашей матери пришли две ближайшие подруги - Вероника Витольдовна Полонская и Софья Станиславовна Пиляевская.

Ужин тянется долго, они обсуждают внутритеатральные дела.

Ахматова, которая слушает их беседу, вдруг произносит:

- Я не понимаю ни одного слова. Впечатление, будто присутствуешь при профессиональном разговоре гангстеров.

- Сегодня придет Фаина, и будет меня виноватить, - произносит Анна Андреевна...

Среди ее друзей Фаина Георгиевна Раневская стояла особняком, ибо принадлежала театру, миру, с которым Ахматова никак не была

связана. Однако же дружба их, возникшая во время войны, в Ташкенте, продолжалась до самой смерти Анны Андреевны.

Насколько мне известно, в своей

среде, среди актеров, Фаина Раневская позволяла себе весьма крутые шутки и даже вполне непристойные выражения, но при Ахматовой она всегда держалась сообразно обществу.

Я даже вспоминаю и такое. Анна Андреевна послала меня с каким-то поручением к Раневской. Та приняла меня в одной из комнат своей квартиры, и во время нашего разговора уселась под большим фотографическим портретом Ахматовой. Через некоторое время я заметил, что она, быть может, инстинктивно, повторяет позу Анны Андреевны, ту самую, что запечатлена на фотографии...

Ахматова любила и иногда повторяла шутки и короткие новеллы Раневской. Дословно помню такую фразу Анны Андреевны:

- Фаина говорит: "Моя домработница мне сказала: "Да, чтобы не забыть - в субботу конец света".

На Ордынке имело хождение множество цитат из Раневской. Все это производилось с южным, одесским акцентом.

- Ой, в вас волос густой!.. В вас воши есть?.. А шо вы обижаетесь?.. В кого их нет?.. А вы намажьте голову фотоженом, и они уси, как одна, сбегут!

- Ой, в вас нежная кожа!.. Когда я была молодая, у меня тоже была нежная кожа... Я шла по улице, так люди висовывались с форточек и говорили: "Ось, идеть иностранка".

Однажды в трамвае Раневскую узнала какая-то женщина, пришла в совершеннейший восторг, наговорила массу любезностей... Но тут, как назло, ей нужно было выходить, а потому она ухватила артистку за ладонь и сказала:

- Мысленно жму вашу руку.

В театре Моссовета, где Раневская работала последние годы, у нее шла непрекращающаяся вражда с главным режиссером Ю.А.Завадским. И тут она давала волю своему острому языку.

Как-то она и прочие актеры ждали прихода Завадского на репетицию, он только что получил звание Героя

Один из последних снимков Анны Андреевны Ахматовой. Осень 1965 года. В доме на Ордынке. Справа - Михаил Ардов.

Социалистического Труда. После нескольких минут ожидания Раневская громко произнесла:

- Ну, где же наша Гертруда?

Я поднимаю телефонную трубку. - Можно попросить Виктора Ефимовича? - говорит далекий голос.

- Здравствуйте, Фаина Георгиевна, - говорю я. - Это Миша. Виктора Ефимовича нет дома...

- Вы знаете, - говорит Раневская, - он написал мне письмо о моем спектакле... А я ему ответила... И там я так неудачно выразилась... Я написала, что я люблю рожать... Я имела в виду творить, создавать что-то на сцене... А то ведь могут подумать, что рожать в прямом смысле слова...

- Все конечно, - говорю, - Ваше письмо уже находится в Центральном архиве литературы и искусства... И теперь грядущие исследователи станут утверждать, что у вас было трое детей... И из них двое - от Завадского...

- Я кончаю разговор с ненавистью, - послышалось из трубки...

Еще только раз в жизни я позволил себе пошутить с Раневской. Это было у нее дома. Я машинально взял со стола фотографию, на которой были две фигуры - сама Фаина и Е.А. Фурцева, которая смотрела на актрису снизу вверх и очень преданно.

На оборотной стороне снимка рукою Раневской было написано буквально следующее:

"Е.А. Фурцева: Как поживает ваша сестра?"

Я: Она умерла..."

Повертевши фотографию в руке, я сказал:

- Фаина Георгиевна, а Фурцева на этом снимке играет лучше, чем вы...

Мой выпад она игнорировала и произнесла:

- Я очень, очень ей благодарна... Она так мне помогла. Когда приехала моя сестра из Парижа, Фурцева устроила ей прописку в моей квартире... Но она - крайне невежественный человек... Я позвонила ей по телефону и говорила: "Екатерина Алексеевна, я не знаю, как вас благодарить... Вы - мой добрый гений..." А она мне отвечает: "Ну, что вы! Какой же я - гений?..." Я скромный советский работник..."

Фаина Раневская.